

(Окончание. Начало на 3-й стр.)

как облака внизу, — столетиями, — эта высота и мощь является «высшей природой», переработанным опытом жизни самого Шекспира. И здесь мы подходим ко второй легенде, которой само время, само углубленное изучение Шекспира наносит сокрушающий удар, отбрасывая ее, как абсолютную нелепость: легенде о том, что «биография» Шекспира не подходит к гению его произведений и, значит, надо их приписать другим, «более подходящим» лицам, от всевозможных лордов Лейстеров, Сомерсетов до великого Бэкона Вереуламского. Ничего, более позорного, мне кажется, не придумывал досужий ум, — недаром легенда эта родилась за океаном, в стране без культурных традиций. С тем же произволом можно было бы создать легенду и о том, что универсальный гений Ломоносова не мог быть достойным архангельского мужика, а под фамилией Ломоносова скрывались Шуваловы или немецкие академики или баловался сам Петр Великий. Именно биография Шекспира, его происхождение и все, что дошло к нам от его живой личности, — необычайно подходит к нему, объясняет его, помогает понять всю мощь его гения. И если страшные образы королей и феодалов, изысканные образы любви и ненависти, смех и жестокость, положения мог он почерпнуть из династических хроник, из итальянских новелл, то насытить своих героев мощью человеческих переживаний, раскрыть до предельной глубины их психологию помог ему опыт его собственной жизни, — больше, пожалуй, в маленьком Стратфорде, чем в большом королевском Лондоне. Если задуматься в трагедию обманутого отца, разделившего до своей смерти свое имущество, — раздвинутую Шекспиром до великого мирового смысла; в страшный и трогательный, безмерно оскорбляемый, способный возвыситься до социальных обобщений и тут же, униженно смиряясь, покориться перед вечной обидой, — образ Шейлока; в сварливость и жестокость женщины, подбивающей, подталкивающей руку убийцы-мужа, — то ведь глубины переживаемых ими страстей во всем их человеческом примитивизме, в их обнаженной жизненности легче было подсмотреть в деревенских образах и событиях, нежели под прикрытием городского лицемерия и лоска. Гёте назвал трагедию Лира — трагедией каждого старого человека.

Возьмем изображение ревности у Шекспира. Уже много раз исследователи его драматургии указывали на то, что «Отелло» — вовсе не трагедия ревности, а, наоборот, трагедия доверия, — и делать Отелло синонимом ревнивца — это укрепившаяся историческая напастина. Какой Отелло ревнивец! Он любит, любит по-настоящему, а такая любовь самоотверженна. Он говорит о любимой:

О, если я найду, что ты,
мой сокол,
стал дик, — твои я пути
разорву,
Хоть будь они из струн моих
сердечных,
И — бог с тобой: лети, куда
захочешь!

Но когда Шекспир хочет изобразить настоящего ревнивца, настоящую ревность, он употребляет крепкие простонародные выражения, грубые слова, хотя произносит их король в «Зимней сказке», — и эти грубые, полные терпкого, совсем не «аристократического», не придворного цинизма слова рождены до всяких подсказываний злых Яго, никем не внушены, кроме источника всякой ревности, — нечистой подозрительности и задетого самолюбия:

А эти
Шептания вечные, щена и щеке,
Нос к носу, поцелуй прямо в губы,
И смех, и вздохи, — ясный знак
измены,
А пожиманья ног, а эти прятки
В укромных уголках...

В оригинале это замечательное «нос к носу» еще грубее и чувственней: «встречи носов». И не только не подзадориванья и наускивания Яго, а наоборот — трезвый и мудрый Камилло, всячески успокаивающий и защищающий невинную Гермиону от подозрений своего взбешенного и укушенного самолюбием монарха, — вот в какой обстановке изображен Шекспиром настоящий рев-

ШЕКСПИР ГЛАЗАМИ НАШЕГО ВРЕМЕНИ

нивец в его обнаженной, грубой человеческой страсти.

С сердечной теплотой рисует Шекспир простых людей и, даже подсмеиваясь над их неуклюжестью и наивностью, одаряет их недюжинной смекалкой и здравым смыслом, — таковы пастух, крестьяне, бродяга Автолик в «Зимней сказке». Заканчивается широкое полотно «Сна в летнюю ночь», исполненное высокой поэзией; отступает колдовство этой особенной ночи, ночи середины лета, когда цветет папоротник и дозволены волшебные игры фей. Влюбленные парочки находят друг друга, афинский герцог Тезей мирится со своей женой, и граждане Афин дают в честь них праздник. Министр увеселений двора подносит Тезею программу торжеств. Тезей читает ее вслух, — воспевание битв, вакханки, критическая сатира — он отмечает все это, а последнюю, как неподходящую для брачной ночи. Но вот — история любви Пирама и Тисбии, смешно и весело, — кто их изображает? И тут, после перечня профессиональных номеров, мы встречаем у Шекспира неожиданный зачаток «самодельности» — «сти». Министр отвечает герцогу: «Люди физического труда (hardhanded men), работающие в Афинах». Кто же эти рабочие, самодеятельные актеры, на которых остановился выбор Тезея? Очарование волшебной июньской ночи «Сон в летнюю ночь», — заканчивают своей забавной игрой плотник (carpenter), ткач (weaver), столяр (joiner), лудильщик (tin-ker), кузнец или воздуходувщик, работающий мехами у горна (bellows-mender), — все основные профессии тогдашнего рабочего люда. И чем-то очень своим, ским, насмешливо-добрососедским веет

здесь от речи Шекспира... А сама эта речь! Четыреста лет истекло со времени ее звучания. В английских изданиях к драмам приложен словарь, объясняющий значение некоторых, вышедших из употребления английских слов. Но если вы читаете Шекспира по-английски, не заглядывайте в словарь! Вам все будет понятно. Вам все покажется близким. Ни в величавом «ты» вместо теперешнего «вы», ни в избитых французских слов, ни в латинских корнях, — ни в чем не почувствуете вы архаизма. К вам приблизится бурное и величавое время, — преступлений и действий, но и великих раздумий, эпохи грабежа и накопления, династических убийств и народных волнений, освоения маленькой нашей планеты, открытия новых земель и островов, тяги Англии в море, оживления портов и гаваней, но и духовного наследования светлой эпохи Возрождения. За 29 лет до рождения Шекспира был казнен великий английский утопист Томас Мор, за 13 лет до Шекспира вышел знаменитый английский перевод Ральфа Робинсона (с латыни) «Золотой книги об Утопии» Томаса Мора, бывшей во время жизни Шекспира на руках у многих образованных англичан и, несомненно, знакомой Шекспиру. Но не только Томас Мор, которому принадлежат гневно-обличительные страницы о положении английского крестьянства, сгоняемого лендлордами с земли, — а и классические раздумья Монтеня («Опыты») выходили из печати четырежды еще при жизни самого ав-

тора и в годы творческой молодости Шекспира (1580, 1582, 1587, 1588). Знал ли Шекспир (читавший по-французски) прославленные в его время «Опыты»? Не только знал. Он почти дословно цитировал их. Сложное и полное контрастов время второй половины XVI по начало XVII века нам кажется сейчас временем человеческой молодости, а мудрым его современникам, таким, как Монтень, оно представлялось чуть ли не концом человечества, дряхлым, лицемерным, обросшим условностями, клонящимся к гибельному упадку. В философские раздумья невольно вторгались мысли о бесплодности цивилизации с ее непосильным для народа трудом, о вреде технических открытий, еще более ухуд-

Рисунок П. БУНИНА

шающих положение трудящихся, о необходимости вернуться к природе и первоначальной простоте. И когда открыли океанические острова с их «дикарями», жизнь этих дикарей, даже людоедов, канибалов — представилась утомленным глазам мыслителя чем-то бесконечно свежим и прекрасным, спасением от развращенной цивилизации. Монтень писал в своих «Опытах» о канибалах: «Мне досадно, что ничего не знали о них ни Ликург, ни Платон, ибо то, что мы видим у этих народов своими глазами, превосходит, по моему, не только все картины, которыми поэзия изукрашила золотой век, и все ее выдумки и фантазии о счастливом состоянии человечества... Вот народ, мог бы сказать я Платону, у которого нет никакой торговли, никакой письменности, никакого знакомства со счетом, никаких признаков власти или превосходства над остальными, никаких следов рабства, никакого богатства и никакой бедности, никаких наследств, никаких разделов имущества, никаких занятий, кроме праздности, никакого особого почитания родственных связей, никаких одежд, никакого земледелия, никакого употребления металлов, вина или хлеба».

А теперь развернем лебединую песнь Шекспира, его бессмертную «Бурю». Выброшенный на берег неведомого острова неаполитанский король со своими близкими бродит по безлюдному лесу, и старый, мудрый вельможа Гонзало говорит ему:

...А если бы я был здесь
государем,
Хотите знать, чтоб сделал я тогда?

...В противность всем
известным учреждениям
Развил бы я республику мою.
Промышленность, чины я б
уничтожил
И грамоты никто бы здесь
не знал
Здесь не было б ни рабства,
ни богатства,
Ни бедности; я строго б запретил
Наследственное право и границы;
Возделывать поля или сады
Не стали б здесь; изгнал бы я
металлы
И всякий хлеб, и масло, и вино;
Все в праздности здесь жили б
без заботы,
Здесь не было б правительства...
И буду я так славно управлять,
Что затемню своим я управленьем
Век золотой...⁵

Это почти дословно. Совпадения идут и дальше, они есть и в «Зимней сказке», где героиня буквально словами Монтеня стоит лишь за природные цветы, возражая против прививок и всяких вмешательств в природу. Мест, где Шекспир перекликается с лучшими мыслителями своего века и эпохи Возрождения, — множество. «Гамлет» не родился на пустом месте. Философское раздумье над жизнью и временем, осуждение этого времени — было в воздухе века, и образ Гамлета потому так близок и дорог человечеству, что гений Шекспира дал в нем обобщение глубоко реального, исторического явления его современности.

НАИБОЛЕЕ зрелые свои произведения Шекспир создавал уже в Лондоне, в течение лет 1594—1609. Испробовав множество около-театральных профессий, он под конец прославился в Лондоне как драматург и хороший актер. Но кончать жизнь Шекспир вернулся в родной Стратфорд. Какая-то спокойная мудрость, многосторонний охват жизни, обширные знания встают перед читателем из двух завершающих его вещей — «Зимней сказки» и «Бури». В них он завещал человечеству то, что и раньше пронизывало все его творчество, — музыку. Нельзя отделить Шекспира от музыки, не только потому, что она сопровождает почти каждое действие его пьес, вплоть до кровавых сцен «Макбета». Но и потому, что Шекспир, как никто из великих поэтов, оставил нам нравственное истолкование музыки. В «Венецианском купце» его дает Лоренцо:

Нет на земле живого существа
Столь жесткого, крутого,
адски-злого,
Чтоб не могла хотя на час один
В нем музыка свершить
переворота.
Кто музыки не носит сам в себе,
Кто холоден и гармоничен
преlestной,
Тот может быть изменником,
лгуном,
Грабитель: души его движенья
Темны, как ночь, и как Эреб,
черна
Его приязнь. Такому человеку
Не доверяй!

А в завершающей его творческий путь «Буре», где Просперо, — в котором Шекспир как бы олицетворяет себя, — отказывается от своего волшебного жезла и ведуньи-книжки, — он прощается с магией искусства, воссоздающего природу и человеческую жизнь, сам ставит точку над своим бытием и заканчивает свой монолог последним обращением к музыке:

Лишь одного осталось мне желать:
Мне музыки небесной нужны
звук,
Чтоб действовать на чувства
тех людей,
Которых ум я чарами расстроил!

Невольно вспоминаешь слова старого Толстого о возможной гибели мира: — вот только музыку жалко, сказал Толстой, выделяя ее из всего сущего.

Что дал и дает Шекспир человечеству? Попробуйте представить себе, что в одно прекрасное утро вы проснулись на земле нашей планеты без Шекспира. Все в ней остается, как было, но Шекспира никогда не существовало. И вы вдруг до остроты почувствуете обеднение, оскудение внутреннего мира человека. Нет и не было огромных образов, огромных страстей, возникших под его пером. Не было встречи Ромео с Джульеттой, убийства Дездемоны, монолога бездомного Лира в грозу, философского «быть или не быть» Гамлета, его тонкого профиля на фоне истекших четырех веков... Немыслимо это представить себе, страшно это представить себе, — Шекспир врос в плоть и кровь человечества, он составная часть всей культуры. И с каждым годом множится его богатство, потому что растет человеческая мысль и учится находить в нем все новое и новое.

⁵ Шекспир в издании Брокгауза — Ефрона, «Буря», стр. 461.

⁶ Шекспир в издании Брокгауза — Ефрона, том I, стр. 480.

⁷ Там же.

³ Шекспир в издании Брокгауза — Ефрона, т. III, стр. 326.

⁴ Шекспир в издании Брокгауза — Ефрона, том IV, стр. 384.